

Валентин Вишняков

Подумаешь, попал

2

историческая фантастика

16+

Валентин Вишняков
Подумаешь, попал – 2

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вишняков В. Г.

Подумаешь, попал – 2 / В. Г. Вишняков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Продолжаются приключения героя в параллельном мире, участие в боях и сражениях приносит ему опыт командования более крупными воинскими частями. Он разрабатывает и осуществляет еще более дерзкие планы военных действий, приносящих победу, при этом стараясь уменьшить потери личного состава, но война есть война и потери не избежать. Появляется еще один человек из его мира, который благодаря своим навыкам и опыту спасает герою жизнь.

Содержание

Пролог	5
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Пролог

Сметая вражескую оборону, мой корпус вырвался вперед и устремился к Харькову. Самыми первыми шли танки подполковника Воронина. Его бригада обходила городки и поселки, не обращая внимания на мелкие части противника. Ими займутся общевойсковые части, следующие вслед за нами на значительном отрыве. Поэтому я несколько не удивился, когда мой штабной броневладелец, БОА, был обстрелян из пулемета.

Броневаделец вильнул, но сразу не остановился. Его башенка повернулась, и по кустам, росшим вдоль дороги, заработал пулемет, срезая ветки. Тут же последовали разрывы снарядов – это два наших легких танка сопровождения внесли свою лепту в перестрелку. Ответный огонь затих. Тройка мотоциклов охраны, до этого вырвавшаяся вперед, вернулась назад и тоже пустила пару очередей. Подкатил грузовик, и из него выскочило несколько солдат с сержантом. Они быстро обследовали кусты и вытащили одно тело. Немец был еще жив, когда я подошел к нему. Он злобно посмотрел на нас и отключился. Над ним склонился санитар и, осмотрев его, отошел в сторонку.

– Не жилец, – сообщил он, тем самым давая объяснение своему нежеланию оказывать помощь.

– Там еще четверо лежат, – сказал сержант, кивая в сторону кустов, и добавил: – А пулемет жалко, разбило его! Хорошая штука была...

Тем не менее, немецкий автомат он подобрал и, разглядывая трофей, высказался:

– А наши – лучше! – и поправил закинутый за спину ППШ.

– Может зря от наших так оторвались, – высказался Травченко, разминая папиросу. Его беспокоило, что штаб корпуса отставал от нас километров на пятьдесят. Главным там оставался мой зам, полковник Вяземцев.

А уж вслед за штабной колонной следовали тыловые службы и медлительные тягачи тяжелого артдивизиона, в авангарде которого был КВ-2. Из прошлого экипажа остался один лейтенант Вирошкин, который наверняка проклинает себя, что напрасился на этот тяжеловес с его совсем небольшой скоростью. Но Вяземцев назначил его командиром танка, а экипаж дополнили людьми с того же дивизиона.

Я уже садился в БОА, когда мимо нас проехала машина с красным крестом. В тыл везли раненых, в кабине рядом с водителем, мелькнула Любочка. Я подумал, что проехала бы санитарная машина чуть раньше, то угодила бы в засаду вместо нас.

Глава первая

Мы, наконец-то, догнали свой авангард. В предместьях Харькова вовсю разгорался бой.

– Все штабные и тыловые части противника мы накрыли – не успели убежать! – доложил мне комбриг Воронин, как только я подошел к нему.

Части моего корпуса охватили город, взяв его в кольцо и перекрыв пути к отступлению. Кавалерийская бригада с батальоном танков ушла вперед.

– Не меньше дивизии немцев в котел попало, – продолжал комбриг. – Эх, силенок у нас не хватает, сюда бы пехоту сейчас, – сказал он, посмотрев на меня.

Но уже подходили части армии Горбатова, которые, для быстрого передвижения, использовали весь имеющийся в наличии грузовой транспорт.

Появился и сам командарм. Он улыбнулся и протянул мне пакет. Приказом фронта я со своим корпусом переходил в его подчинение.

Рядом крутился Вяземцев, прибывший вслед за Горбатовым. Кивая в сторону генерала, он шепнул:

– Теперь вся слава ему достанется! Прибыл на все готовенькое!

Я лишь улыбнулся. Силами моего корпуса я все равно не смог бы помешать врагу вырваться из Харьковского котла.

Воронин был прав, лишь только в городе в окружение попало не меньше дивизии немецких солдат, а на той территории, что мы охватили, и того больше. Враг не ожидал, что после Курской битвы, где были разгромлены танковые дивизии немцев, произойдет стремительная атака, и он не успеет отступить и занять твердую оборону.

Горбатов все же услышал полковника:

– Славой мы поделимся, – сказал он, – Её на всех хватит! Ты лучше скажи, – обратился он ко мне, – как дальше действовать будем? Сейчас все наши силы уйдут на то, чтобы удержать в окружении Харьковскую группировку, а это целая армия, хоть и основательно потрепанная после боев. Второй Сталинград может получиться.

Я кивнул соглашаясь.

– Резервов у нас нет, люди уставшие, да и потери не маленькие, – продолжал Горбатов, – а сейчас бы наступать и наступать!

– А потом вновь получить, фланговый удар по растянутым тылам, – заключил я. И добавил: – Правда, сил для мощного удара у них пока нет. Нам бы этот кусок переварить, что мы отхватили.

Горбатов вздохнул, сняв фуражку.

– Сейчас свяжусь с Коневым, попрошу хоть какие-то резервы. Котел окончательно надо захлопнуть.

Он вышел из моего штаба и направился к своему.

В городе меж тем продолжался бой. Мои мотострелки и армейская пехота при поддержке танков и самоходных артиллерийских установок – САУ, продвигались к центру города, к штабу армейской группировке врага, не успевшему отступить.

Как обычно, вперед я не рвался. Уличные бои не для меня.

Вскоре меня вызвали к Горбатову. С собой я взял Вяземцева и Брежнева, теперь уже подполковника.

– Ну что, орлы! – В комнате небольшого домика, было тесновато. – Поздравляю, все наши части, взявшие Харьков, отныне гвардейские и носят наименование Харьковские! Вечером в Москве будет салют в честь освобождения города.

– Но ведь город еще не взят! – попробовал высказаться какой-то штабной. Но на него швыкнули. Все понимали, что это дело нескольких часов, вероятно комфронта Конев поспешил доложить Ставке об успехах на своем направлении.

– Пришел приказ продолжать наступление, – нахмурившись, сказал Горбатов. Я объяснил комфронта, какое положение у нас создалось, и что будет, если мы продолжим наступление.

Командарм замолчал.

– Разрешите? – взял слово я.

Горбатов кивнул и я доложил:

– Кавалерийская бригада и танковый батальон моего корпуса вот-вот выйдут к городу Красноград, от них получена радиограмма.

Горбатов и все заинтересовано прислушались. В этот момент ко мне протиснулся появившийся Травченко и зашептал мне на ухо. Я с минуту помолчал и торжественно сказал:

– Только что получено сообщение. Танковой ротой капитана Бровкина взят город Люботин. Кольцо замкнулось!

Все зашумели.

– Тихо! – Горбатов склонился над картой. – Какой район?

Я уточнил.

– Да, – протянул командарм, – сотня километров отсюда.

Появился офицер связи, и протянул генерал-полковнику листок. Тот прочел и еще больше нахмурился.

– Так, противник опомнился и занимает жесткую оборону в километрах тридцати западнее Харькова. Нашим наступающим частям пришлось также занять оборону – окруженная группировка пробует прорваться.

Я задумался, получается, что какая-то часть моего корпуса оказалась в окружении, почти без боезапаса и топлива.

Но тут, как бы читая мои мысли, командарм сказал:

– Захваченное терять нельзя, потом кровью умоемся! Наступать мы тоже не можем – силенок не хватает. Пока свяжусь с авиацией. Нужно поддержать наших с воздуха.

Авиация. А ведь это выход!

– Можно? – потеснив Горбатова, я тоже склонился над картой. – В первом донесении было сказано, что моему авангарду удалось захватить вражеский аэродром. Он тоже пока удерживается.

– Продолжай, – заинтересовался Горбатов.

– Что, если ближе к аэродрому – в помощь нашим, высадить десант и постараться расширить удерживаемый нами участок. Стоит еще и зенитчиков послать – часть орудий и установок немцев наверняка захвачены целыми.

– Я уточню, – тут же сказал Травченко и вышел.

– Согласен, – поддержал меня Горбатов, – нужно действовать молниеносно, пока противник не опомнился, и не подтянул силы.

Он тут же отдал приказ:

– Немедленно связать меня с Коневым и командирами авиаполков! Подготовить батальон, нет два, для высадки с парашютами! Думаю, такие, кто хоть раз прыгал, во всей армии найдутся!

Снова хозяин кабинета сидел задумчиво, куря трубку. Только что закончилось совещание генерального штаба. Только начали обсуждать дальнейшие действия фронтов после победы на Курской дуге, как посыпались другие, не менее радостные новости. В результате стремительного наступления сил Брянского фронта освобожден город Орел. Не успели утихнуть волнения присутствующих, как принесли новые сообщения. Освобожден Харьков, почти целая армия врага попала в окружение. «Так держать!» – подумал тогда Сталин. Тут же было принято решение продолжать наступление. Но еще немного погодя пришло сообщение от маршала Конева – продолжать наступление нечем, все силы фронта уходят на то, чтобы удержаться на достигнутом и не дать окруженным вырваться из образующегося котла.

– Сколько солдат противника может оказаться в котле? – спросил Сталин.

– Не меньше пятидесяти тысяч, – сказал Тимошенко.

– То есть целых пять полнокровных дивизий, – уточнил Сталин.

Маршал кивнул.

– Эту группировку врага надо уничтожить, – заключил верховный главнокомандующий, – чтобы она не смогла отойти и закрепиться на днепровских рубежах.

– Да, – сказал вошедший полковник, с вновь принесенными бумагами, – тут вот как раз об этом.

Сталин взял, прочел. Встал, обернувшись, посмотрел на висящую на стене карту.

– Так, тут говорится, что одна кавбригада и несколько танков, продолжая наступление, захватили ещё два города южнее Харькова. Сейчас они удерживают их, но находятся в оперативном окружении.

Сталин сосредоточился, его голос стал строже, когда он отдал приказ:

– Все имеющиеся у нас подготовленные десантные группы срочно сбросить в район плацдарма; авиации – не дать разбомбить мост и оказывать помощь в удержании плацдарма! – Потом он обернулся к присутствующим: – Все имеющиеся резервы передать Коневу! Всех, особо отличившихся во взятии городов, представить к званию Героя Советского Союза!

И вот он один, в кабинете, пересматривает более подробную информацию о том, что произошло. Отличилась армия Горбатова, не зря он в начале войны подписал приказ об его освобождении из-под ареста. Снова Кропоткин, это части его корпуса первыми ворвались в Харьков, и его кавбригада с танками захватила и удерживает плацдарм. Снова этот мальчишка, который когда то в сороковом привлек его внимание, так из прихоти. Потом он разузнал о нем все. Из аристократов, но поддержавших революцию, особенно его двоюродный дед, из бунтарей. А этот парень поступил в военное танковое училище, не доучился, попросился на войну с белофиннами. Получив звание старшего сержанта и должность командира легкого танка, отличился в боях, награжден медалью.

И дальше, получил первое офицерское звание, выполнил порученное задание, за что был отмечен высокой правительственной наградой и снова, снова, как по накатанной дороге, не сразу, но довольно быстро прошел все ступени. Поначалу командовал ротой, потом танковым батальоном, в перерыве закончил ускоренные, академические курсы. Поставили на бригаду, справился. Назначили на корпус, похоже справляется. Вот, пусть пока так и будет, а там поглядим. Быстрый взлет, быстрые падения. Сталин вновь задумался. Удержать бы плацдарм... – Все силы брошены на это. Но противник тоже понимает, чем ему это грозит. Нет, надо срочно продолжать наступление, но на переброску войск требуется время, впрочем, как и врагу.

Сталин поднял трубку:

– Вызвать ко мне Жукова, и Конева тоже! Срочно послать за ними самолет.

Я сидел, и читал Людочке стихи Есенина, те, которые помнил, а та слушала и молча перевязывала мне голову. Я все-таки схлопотал, правда, вскользь осколком по дурной башке. Где то ближе к передовой догорал мой БОА, опрокинутый взрывом снаряда. А нечего соваться, куда не след. Понесло меня проведать, как там моимострелки поживают, и посмотреть поближе врага. А те, оказывается, тяжелую артиллерию успели подвести. Вот первого меня и заприметили. Вылез, блин! Еще вчера было тихо, вот и понадеялся. Отрутать меня было некому – Горбатова вызвали в штаб фронта. Брежнев, как замполит, улетел на «Малую землю», то есть на наш плацдарм, куда рвался и я, но меня не пустили. Остальные рылом не вышли, другого генерала рядом

не оказалось, полковник Брежнев и вызвался сам.

Грохот стоит! – То Вяземцев мстит за меня и мой БОА, командуя батареей 152-мм орудий. Ну и КВ-2 постреливает, куда же без него. Немецкая артиллерия, не выдержав дуэли, заткнулась, и сейчас наши безнаказанно перепыхивают оборону врага, которую те только начали укреплять. Но, думаю ненадолго. К нам уже начали прибывать подкрепления. Пополнился и мой корпус, понесший значительные потери. Правда, пока не полностью, не я один такой. Харьков, тогда к вечеру, мы все-таки взяли. Меня поразил город. Гражданского населения почти не видать. Если бы не военные, он бы вообще казался безлюдным. Конечно, столько пережил. Кто эвакуировался вместе с предприятиями, кто разбежался, но много было и таких, кого расстреляли, или повесили. Многие сгинули в еврейском гетто, как Софочка – жена моего танкиста, а кого просто угнали в Германию.

Немецкий штаб сдался полностью, жаль только главный застрелился. Окруженцев тоже добиваем. Остались только, наиболее боеспособные части, окопавшиеся в поселках, лесках и высотках. Не сдающихся перемальвает артиллерия, причем их же пушками. Добра этого, нами

захваченного, хватает, а так и своих людей жалеет, и боеприпасы экономит. Горбатов в этом деле мужик, зря на смерть не пошлет.

Конечно, кое-где врагу удалось прорваться к своим, но то мелочи. Пленных уже больше пяти тысяч, куда их девать, будет еще больше, если остальные сдадутся. Ловлю руку Людмилы, закончившую перевязку.

– Придешь вечером? – спрашиваю я.

Та со вздохом отвечает:

– Приду, куда же я денусь!

Я поднимаюсь, в раздумье верчу в руках фуражку, в конце концов, просто оставляю её в руке и иду вслед за Людочкой. Надо проведать еще одного пострадавшего. Егор Панков, мой водитель, ранен. Он лежит с перевязанной головой и рукой, и о чем-то разговаривает с братом Павлом. Увидев меня, Павел вскочил, попробовал приподняться и Егор, но я его остановил:

– Лежи! – сказал я и протянул ему коробочку с медалью «За боевые заслуги». – Вот, носи! Заслужил! И скорей выздоравливай!

Сам поглядываю на Павла – у того уже есть медаль, и заслуженная. Геройские братья!

Нагоняй я все-таки получил, от Горбатова. Командарм, поначалу был в приподнятом настроении, но, увидев меня, разошелся:

– Какого черта ты так близко подъехал на командирской машине к позициям? Вот немецкие наблюдатели тебя и засекли!

Я лишь соглашаясь, кивал головой. Действительно, дурак!

Успокоившись, командарм произнес:

– А теперь о хорошем. Хорошим было то, что двоим моим орлам присвоено звание Героя. Это командиру кавбригады Гаврилину и капитану Бровкину. Остальные на рассмотрении.

– Молодцы! – согласился я.

– Ну а нам – тебе и мне, ордена Кутузова. Да, еще твоему заместителю Вяземцеву за бой, что он тогда на КВ-2 учудил, орден Красного Знамени. Этот случай в штабе фронта все вспоминают. Один только генерал, услышав его фамилию, начал возмущаться, но Конев, только что прилетевший из Москвы, осадил его, сказав, что Сталину этот случай очень понравился. Тот даже сказал: «Оказывается, и штабные работники умеют воевать!»

Я понял, о каком генерале говорит Горбатов, и лишь улыбнулся.

– Это надо отметить, – сказал я по привычке.

Горбатов лишь отмахнулся, не пьющий человек.

– И вы, – он строго посмотрел на меня, – слишком не увлекайтесь! Знаю я вас! По хорошему, запретить бы это дело, но не могу. Сам, если и выпью, то тогда, когда разобьем этих гадов!

Сказав это, командарм вышел.

Я же пошел в штаб, поделиться новостями. Ну а наутро пришел приказ о наступлении. На нашем участке появились гвардейские минометы «Катюши». Кроме того, подошла свежая танковая бригада, которая должна влиться в мой корпус.

– Подполковник Ведерников, – представился мне комбриг.

– Ну что ж, пойдем, поглядим, на твоих орлов, – сказал я.

Мы вместе прошли вдоль выстроившихся возле своих машин экипажей. Нет, это были еще не орлы, а орлята. Все молодые, недавно после училищ и курсов, в общем, еще не бывавшие в бою ребята.

– Вы докладывали, что в бригаде 54 танка, а я насчитал 53, – строго спросил я.

Комбриг замялся, но все же ответил, на станции, при разгрузке, ЧП вышло. Танк, съезжая с платформы, свалился, погнул ствол. Сейчас машина в ремонте.

– И вы так спокойно об этом говорите! Почему не доложили сразу?

Полковник молчал. Я видел, как играют его желваки, он едва сдерживал себя, чтобы не сорваться. Ну да, какой-то мальчишка, который умудрился стать генералом, командиром корпуса, отчитывает его перед всеми. Сердился я не за то, что произошло – всякое бывает, а потому, что происшедшее попытались скрыть. Перед боями потеря одной

единицы техники это существенно. Конечно в корпусе, хорошие специалисты по ремонту, майор Ермолов чего стоит. И замена ствола для его роты технарей не проблема, было бы время.

– Чего еще я не знаю о вашей бригаде? – спросил я.

– Я собирался доложить, что в бригаде был неполный батальон мотострелков, всего треть. Сейчас он пополнился за счет роты, набранной из местного населения. Говорят в основном бывшие партизаны и окруженцы. Народ ненадежный, дисциплины никакой, – ответил чуть с заминкой полковник, глядя на мою реакцию. – Но ничего, Суховцев опытный командир, да и особист грамотный. У нас, порядок наведут! – закончил он.

– Хорошо.

Полковник Ведерников мне не понравился, как и я ему. Антипатия взаимная. Пятой точкой я чувствовал, будут у меня проблемы, с этим полковником. Обернувшись, я увидел подполковника Капралова, который в сторонке обсуждал что-то с одним из офицеров бригады – старшим лейтенантом. Того я не знал, но сразу было видно, из той же братии, что и подполковник.

Я не ошибся. Увидев меня, Капралов направился ко мне, для доклада. Старший лейтенант, пошел следом.

– Вот, – Капралов, указал на старшего лейтенанта. – Хочет отдать под суд механика водителя, повредившего танк.

– Ну, и в чем дело? – спросил я.

– Да так, я против этого.

Ответ Капралова удивил меня. Всегда въедливый, порой жестокий, он не казался человечным, и тут...

– Парнишке всего восемнадцать лет, на курсах всего несколько часов наезда, а его съезжать с платформы заставляют. Тут и опытному водителю постараться надо, чтобы дров не наломать, – заключил особист.

– И все же он виновен, в происшедшем, – вклинился в разговор старший лейтенант.

Я нахмурился, это дело нравилось мне все меньше и меньше.

– Ладно, давайте посмотрю на вашего вредителя, – сказал я. – Где он? Под арестом?

– Сейчас в наряде по кухне, – сообщил старший лейтенант.

– Ну, пошли, посмотрим на него, заодно и глянем, чем людей кормят.

На счет кормежки я вспомнил не зря, по себе знаю плохо накормленный солдат хуже служит.

Мы подходили к кухне, когда я увидел человека, рубившего дрова. Хоть и со спины, но фигура с топором, показалась мне смутно знакомой. Я остановился и стал наблюдать за заготовщиком дров. В грязной, старой поношенной форме со следами пота на спине он больше походил на пленного, побывавшего в фашистском концлагере, чем на солдата. Вот он вновь замахнулся топором, чтобы разрубить полено, но остановился, почувствовав, чей-то пристальный взгляд. Солдат обернулся, и тут я его узнал. Лешка Федорчук! Сейчас он мало походил на того редко серьезного, постоянно улыбающегося балагура, каким я его знал. Теперь это был худой, изможденный от недоедания и усталости человек.

Я еле сдержался, чтобы не броситься к нему, а махнул рукой.

– Солдат, ко мне!

Лешка огляделся, понял, что обращаются к нему. Вогнал топор в полено, и лишь тогда, не спеша надев пилотку, направился к нам.

Меня он не узнал – это я понял сразу. Да и как узнать? Смотрел он больше на мои погоны, а так, ну мужик с усами, с повязкой на голове. Кропоткин раньше усы не носил, это мой стиль, с той жизни.

– Товарищ генерал-майор, рядовой Федорчук по вашему приказанию прибыл!

– Почему рядовой, ведь ты был младшим сержантом? – спросил я.

Федорчук с удивлением посмотрел на меня, и тут наконец-то, по его напряженному взгляду, я понял, что он узнал меня.

– Товарищ генерал-майор, вы!

– Я, Федорчук, я. Так, почему – рядовой?

– Да, тут разжаловали, – Федорчук посмотрел на старшего лейтенанта.

Я обернулся к тому.

– Почему был разжалован сержант Федорчук?

– Так, окруженец он, – пояснил тот. – А может даже дезертир, кто его знает. Приходят на сборный пункт, говорят мол, раненые были, поэтому, через фронт не пробилась, но в партизаны не ушли.

Я снова посмотрел на Федорчука. Тот понял меня, задрал гимнастерку и показал на боку характерный шрам от осколка.

– Я в госпитале лежал, когда наши, Харьков сдали. – Хорошо, более-менее, ходить мог. Я и еще двое ходячих ушли, и вовремя, потом, говорят, немцы в госпитале всех раненых убили, – рассказывал Федорчук, а на глазах его появились слезы.

– Нас одна старушка приютила, выходила, сама не доедала, от этого и померла. Мы, как оправались, из города, выбрались, хотели фронт перейти, а он сам к нам вышел. Мы на сборный пункт, туда нас направили. Документов никаких, ведь в госпитале лежали. У меня только вот это, – Лешка показал мне, достав из кармана медаль «За отвагу».

– Почему не носишь? – спросил я.

– Так вот этот запретил, говорит, сперва докажи, что ты это ты и медаль твоя.

– Понятно, – я обратился к старшему лейтенанту.

– Алексея Федорчука я снимаю с наряда и забираю его с собой.

– Так он, товарищ генерал-майор, еще проверку не прошел, ждем подтверждения по запросу, что был такой боец Федорчук.

– Сержант Федорчук, – поправил я. Как вы поняли из разговора, я его знаю и подтверждаю его личность. Или вам меня одного не достаточно? Так вот, еще два офицера корпуса могут подтвердить это. Капитаны Телепин и Бровкин.

Старший лейтенант не знал, что сказать.

– И да, если по запросу придет ответ, что сержант Федорчук служит там-то и там-то, произвести проверку и, если это окажется не однофамилец, задержать. Подполковник Капралов, проконтролируйте! Помните, как агенты Абвера расправились с ранеными, чтобы по их документам произвести заброску своих диверсантов к нам в тыл?

– Так точно, товарищ генерал-майор, – подтвердил Капралов.

– Ну ладно, давай попробуем, чем кормят бригаду, и посмотрим на вашего механика-водителя.

Передо мной стоял шупленький, невысокого роста паренек, под левым глазом красовался свежий синяк, видимо досталось хлопцу, после того, как танк опрокинул. Кто-то врезал от всей души. Но я ошибался.

– Это, его повар приглубил, – сказал стоящий рядом Алексей.

– Так, и как же это получилось, что твой танк с платформы свалился? – спросил я провинившегося горе-водителя.

Солдатик какое-то время молчал, потом его, как прорвало:

– А я ротного предупреждал, что не смогу танк с вагонной площадки на платформу выгнать. А он мне давай, тебе учиться надо! Так и заставил за рычаги сесть.

Паренек понимал, что я его последняя инстанция и решил, в этот раз молчать не будет.

– Понятно, – я повернулся к Капралову. – Дело о вредительстве прекратить, ефрейтора Писарева направить в ремонтную роту корпуса. Пускай там знаний набирается, а как подучится – может опять на танк вернем.

– Слушаюсь, – сказал Капралов.

Старший лейтенант хотел, что-то возразить, но Капралов утянул его в сторону. Я подошел к полевой кухне, на небольшом облучке которой, спиной к нам, стоял повар в помятом и чем-то заляпанном колпаке. Большим черпаком он помешивал готовящееся варево. Его запах что-то мне напоминал. А вот что?

– Слушай, я что-то не слышу стук топора! А ну, быстро за работу, бездельник! А то опять без ужина оставлю! – сказал повар, не оборачиваясь к нам.

Он, очевидно, решил, что это подошел Алексей. Тот в это время пробовал привести себя в порядок у ручья, протекавшего рядом.

– Это ты мне? – спросил я, рассматривая рослого дядьку с грязно-серым колпаком на голове.

– Тебе, тебе, оборванец! Ну, чего стоишь, живо за работу! – сказав это, повар наконец-то обернулся, и чуть не сверзился со своего пьедестала, увидев, с кем он разговаривает.

– Так, что там на счет ужина? Дашь попробовать? – спросил я, приносиваясь.

– Сейчас, сейчас, – повар спрыгнул с облучка, – для офицеров товарищ генерал, отдельно готовится, он махнул на малый котел кухни.

– Нет, ты мне дай, того, что для солдат, а для офицеров я и так у себя в штабе поем.

Я уже вспомнил, что по запаху мне напоминало варево для солдат. Корм для свиней! Отчетливо пахло отрубями. Потом, после снятия пробы, полчаса отплевывался. Каша готовилась, из перепрелой крупы, никаким жиром, ни маслом там даже не пахло, не то, что тушенкой. После такой еды солдат не то, что воевать стоять не сможет, а будет лежать, маяться животом, или удобрять близлежащие кусты.

Офицерам бригады опять достался разнос. Повар же стоял переминаясь, с расплывающимся синяком под глазом. Не удержался, приложился. Работник кулинарного искусства оправдывался тем, что готовил из того, что давали. Нет, с этой

бригадой точно что-то не так.

Федорчука я передал Телепину. Тот по-хозяйски осмотрел его и со вздохом сказал:

– Пошли, будем делать из тебя человека!

Повел его, первым делом, в баню. Вот так просто, без эмоций, ни тебе здравствуй, дорогой, где пропадал? А ведь они были однополчане, целых два года, до войны, и так встретить! Но оказалось, я зря гнал волну на Телепина. Часа через полтора, они появились.

– Смотри, кого я к тебе привел! – радостно говорил капитан, будто не я, а он нашел Федорчука. – Ты погляди! Орел!

Передо мной стоял действительно другой человек, вымытый, подстриженный, чисто выбритый, в новенькой форме, с лычками сержанта, с медалью на гимнастерке. В строевой части корпуса ему сделали новую солдатскую книжку, со всеми записями. Моим приказом произвели в звание сержанта, и я назначил его своим новым водителем вместо выбывшего по ранению Егора Панкова.

– Ну, а теперь можно и за встречу, – сказал Афанасий Петрович.

– Вам немножечко разрешаю, – сказал я, а у меня совещание скоро, не могу.

Совещание, действительно, состоялось через час. Назавтра планировалось полномасштабное наступление всей армии, и моему корпусу отводилась немаловажная роль. Нужно было соединиться со своим авангардом.

Перед этим было совещание в штабе армии, на котором присутствовал представитель ставки Мехлис. Он высказался за то, что надо идти вперед, не смотря ни на что.

– Сталин ждет от нас победы и результатов! От этого сражения все ждут многого. Предстоит выход к Днепру, к правобережной Украине.

Менее масштабное совещание провел и я, еще раз уточнив где, куда и кому, наступать. Ставились задачи каждой бригаде, каждому полку.

– Да, Константин Федорович, – обратился я к Ведерникову, – выделите из своей бригады роту танков и роту мотострелков для прикрытия корпусной артиллерии и штаба. Мало ли что, вокруг еще много недобитых частей противника, а мы бросаем почти все наши силы для наступления. Вашей же бригаде выделен небольшой участок прорыва.

– Хорошо, – недовольно буркнул комбриг.

Разгром был полный. Разгром моего штаба. Утром началось все, как было запланировано. Артиллерия открыла массированный огонь, мешая с землей вражеские укрепления. Особенно старался корпусной крупнокалиберный дивизион 152-миллиметровых гаубиц, раз за разом посылая свои смертоносные залпы.

Вяземцев на КВ-2 возглавил атаку одного танкового батальона, ссылаясь, на то, что поможет подавить доты и дзоты противника. Я же находился со штабом неподалеку от артдивизиона. Возможно, это и помогло противнику подойти к нам так близко. А ведь было все замечательно! Взломав оборону врага, наши части устремились вперед. Артиллерия перенесла свой огонь вглубь обороны противника. Я попробовал наблюдать за продвижением наших войск – в стереотрубу, но те уже ушли далеко. Наверное, пора было менять точку дислокации и нам, выдвигаясь вперед. Я уже собирался отдать команду на свертывание КП, как вдруг на улице поселка раздались частые выстрелы, послышались взрывы гранат и заурчали моторы.

В комнату вбежал мой адъютант.

– Немцы и много! – крикнул он, хватая лежащий на комодке автомат.

– Вызывай роты прикрытия, чего они молчат! – крикнул я связисту.

Появился начштаба Травченко, бледный, как мел.

– Нас зажали! Немцев не меньше полка, есть бронемашины, – сообщил он.

– Что там танковая рота? – опять крикнул я.

– Молчит, – сообщил радист.

– Вызывай кого угодно, должен же кто-то ответить, – приказал ему Травченко, перезаряжая пистолет.

Тут в окно влетела граната. Все произошло мгновенно. Мой адъютант сбил меня с ног и навалился сверху, прикрыв собою. Раздался взрыв, и я почувствовал, как тело лейтенанта вздрогнуло, принимая на себя осколки, и как болью охватило мою правую руку.

На входе в дом послышалась немецкая речь. Только не плен, подумал я, пробуя дотянуться до пистолета. Правая рука не слушалась, левую придавил своим телом адъютант. Как глупо и нелепо все закончится, промелькнули в голове мысли. Я снова попытался освободиться, бесполезно. Но тут вдруг раздались автоматные очереди, стоны и звуки падающих тел. И тут же я услышал взволнованный голос Телепина:

– Викторovich, командир, ты жив? Лешка, следи за входом, а ты, Сергей, не высывайся! Снова автоматная очередь. Голос Федорчука:

– У меня все патроны кончились.

– Возьми оружие у этих, – снова заговорил Телепин. – Да говорю тебе, не высывайся, малец! – крикнул капитан сыну.

Автоматная очередь и голос:

– У меня, батя, тоже все! Сейчас, как дядя Леша, шмайсер возьму, только я с него стрелять не умею.

– Вот он!

С меня свалили безжизненное тело адъютанта, и сразу стало легче дышать.

– Мать твою ежики, – выругался я, когда, помогая мне подняться, схватили за правую руку.

– Афанасий, ты поосторожней, а то, мне от болевого шока писец наступит, простонал я.

– Чего? – не понял Телепин.

– Не важно, – я, тяжело дыша, облокотился об стену.

Снова загрохотали выстрелы. Из окна дал в ответ, очередь Сергей. Он подобрал автомат лейтенанта. Афанасий, заставив меня присесть, начал оказывать мне первую медицинскую помощь.

– Кость задета, – сделал он заключение, перевязывая мне руку, чтобы остановить кровотечение.

Это он меня успокаивает, думал я. Рука болела страшно, как бы кость не перебило.

На улице раздался грохот взрыва, вновь перестрелка. Радостный голос Лешки от дверей:

– Наши! В атаку пошли!

– На, выпей, легче станет! – сунул мне фляжку ко рту Афанасий Петрович.

Я выпил. Спирт обжег мне горло. Я закашлялся и поплыл.

Я в госпитале. Ксения Михайловна сделала мне операцию, извлекла осколок, был наложен лубок. Перелом кости, но хоть не перебита полностью, чего я опасался. Как там дела на фронте, вот что меня волновало. Кто командует корпусом? Травченко погиб. Остается Вяземский и Ведерников. Воронин под вопросом. Лучше Вяземский. Это он, как я узнал, услышал призыв о помощи. Хорошо, КВ-2 радиофицировали. Полковник после удачного прорыва повернул назад, и тут стрелок-радист сообщает о нападении на штаб. Что произошло, почему штаб оказался, под ударом, узнать не у кого. В госпитале не знают, или молчат. Сколько убитых и раненых, тоже не знаю. Армия в наступлении, всем не до меня. Через сутки мне стало лучше, даже стал вставать. В одно место хожу сам, от утки отмахнулся. На третий день, появился Телепин. Ему я обрадовался, как самому родному человеку.

– Афанасий, дорогой мой, наконец-то, хоть ты поведай, что в мире творится.

Тот опустил глаза, но все же, проговорил:

– Викторович, беда! С подачи представителя ставки Мехлиса на корпус временно назначен Ведерников.

– Ну и что? – спросил я, а у самого внутри аж все похолодело.

– Угробит он корпус, как свою бригаду. У него самые большие потери. Я-то знаю, кем служу, – поспешил сообщить Телепин.

– Какие у него в бригаде потери? – спросил я.

– За два дня треть состава, это не считая потерь во время прорыва.

– Много, – согласился я. – Чем же он командует?

– Я же говорю, на корпус метит. Вяземский пока ему не дает, грозит пристрелить, если увидит. Наши офицеры молодцы, слушаются только его приказов, а не Ведерникова.

– А что это Артур Николаевич так на него разозлился? – спросил я.

– Ах, да вы не знаете, это Ведерников в то утро увел роты охранения, никого не поставив в известность, посчитал, что у него для прорыва обороны врага сил не хватает.

Я даже подскочил.

– Вот сволочь!

– Столько людей погибло, почитай только мы от штаба и остались, – продолжал Афанасий Петрович, оценивая мое состояние.

– Больше сотни? – уточнил я, свирепея, поняв, что нет больше штаба.

– Куда там, намного больше! Весь 152-мм гаубичный дивизион poleg, когда немцы в тыл им зашли. Те пушки так просто не развернуть, пушкари своим делом были заняты. В общем, нет у нас больше дивизиона.

– Сволочь, я его сам пристрелю! – вскипел я окончательно, откинувшись на подушку. – Достань мне форму!

– Вот и Артур Николаевич так, за пистолет хватается, – произнес Телепин, усаживая меня на кровать. – И чуть тише добавил: – У него там пассия была, Зинойкой звали. Он её с бригады Воронина перевел, думал к себе поближе, да и безопасней, тяжелый артдивизион все-таки, чуть ли не в тылу находится. А тут из котла остатки немецкой дивизии решили прорваться. Были бы танки охранения, отбились бы.

Вон, один КВ-2 шороху навел, те сдаваться начали.

– Где эта гнида сейчас?

– У себя в бригаде. Наверное, в штаб армии победные репортажи пишет. У нас-то штаба нет, а в армейском всем Мехлис заправляет.

Я вспомнил фильм о генерале Горбатове и о том, как к нему заглянул Мехлис. Результат – огромные потери, а пользы мизер. Так, срочно надо ехать туда и что-то делать. Ведерников угробит мой корпус, он же себя его командиром считает. Ну, пристрелит его Артур Николаевич, мстя за штаб, за артдивизион, за свою Зиночку, и что? Самого потом расстреляют! Жалко же, хороший мужик! Тут я вспомнил про Капралова.

– Где сейчас, подполковник Капралов?

– Так в штабе армии отирается, нашего-то нет. Он меня к вам и послал, узнать как вы там, и все это сообщить.

Понятно, Капралов тоже зуб на Ведерникова имеет, но из-за Мехлиса ничего тому сделать не может. Нужен я.

Вошла Ксения Михайловна и устроила нам взбучку. Мы сделали вид, что ничего не происходит, но как только она вышла из палаты, продолжили подготовку к побегу. Афанасий Петрович молодец, прихватил мою запасную форму с собой

Мы ехали на виллисе, который вел Лешка. Ему повезло, утром с моего разрешения виллис взяли Капралов с Лисицыным. Им по каким-то надобностям нужно было в штаб армии. Так, значит и Лисицын жив. Стоп! Командир – я, Вяземцев – заместитель, Телепин теперь будет моим замом по тылу. Значит, Лисицына теперь сделаю начальником штаба. Короче, были бы кости, а мясо, нарастет.

В штабе, армии отыскивали Капралова. С помощью его грозной ксивы попали в армейский пункт связи. Оттуда я послал шифрограмму лично Сталину: «Срочно отзовите с фронта Мехлиса, а то будет как в Крыму в 1942. Танкист».

– Теперь, нужен взвод автоматчиков, – сказал я.

– Это зачем? – поинтересовался, Капралов.

– Арестовать Ведерникова! Или ты думаешь, я ему прошу смерть сотен людей?

– А, что сами не можем, представитель СМЕРШа, и вы как его непосредственный командир, генерал?

– Во-первых, автоматчики нужны для безопасности, во-вторых, для солидности, – пояснил я.

– Наконец-то вспомнили, что и вы смертны, – усмехнулся Капралов.

– Молчи уж, – огрызнулся я и осторожно потрогал руку, висящую на перевязи, – Ксения Михайловна меня убьет, за то, что я сбежал. Вот, послушался тебя и влип в историю! А сидел бы в танке, все, глядишь, и обошлось бы, – попенял я особисту.

– Значит карма у тебя, товарищ генерал, в истории влипать, – пошутил подполковник.

– Может быть, может быть, – согласился я.

В этот момент, раздался голос:

– А вы что здесь делаете? – Это был Горбатов.

– Да, вот прибыл доложить вам, что готов дальше исполнять, свои обязанности, – отпартовал я ему.

– Но вы же серьезно ранены! – изумился Горбатов. – Да и приказ я уже подписал, о назначении на должность ком-кора полковника Ведерникова.

В это время вышел лейтенант с планшеткой и направился к мотоциклу.

– Отзовите вестового! Это из-за Ведерникова был разгромлен мой штаб и погиб артдивизион! – попросил я командарма.

– А я думал, «котел» на вас не вовремя вышел, – ответил он.

– Этот кретин, без моего ведома, снял роты охранения и оставил штаб и артдивизион без прикрытия! Кроме того, как мне сообщают, угробил свою бригаду, а теперь хочет взяться за корпус! Я хочу его арестовать! – выпалил я в волнении.

– Лейтенант, отставить! Ко мне! – крикнул Горбатов.

И вовремя, вестовой уже завел мотоцикл.

– Приказ я отозвать могу, но вот арестовать Ведерникова у вас вряд ли получится, – сказал командарм, разрывая пакет. Мехлис симпатизирует ему и в обиду не даст.

– Посмотрим, – сказал я.

– Вот сейчас он требует бросить в бой последние, резервы, утверждая, что немцы выдохлись, и нам хватит сил дойти до Днепра. Может надо-бы и рискнуть? А вдруг... – произнося это, командарм задумался.

– Не спешите, есть сведения, что к немцам подходят свежие дивизии, переброшенные с запада, в основном из Франции, – сообщил я.

– Откуда такие сведения? – обеспокоился Горбатов

– Пленный немец проболтался.

– Где он?

– К сожалению, умер от ран, – придумывал я на ходу, зная, что насчет дивизий это правда.

– Мы прорвались к своим авангардам, и то хорошо, Подтянутся резервы, и тогда вперед, до Днепра, – добавил я с уверенностью.

Горбатов все-таки сомневался. Соблазн был большой – продолжать наступление без задержки, пока враг отступает. Но я-то знал, чем все это закончится – бессмысленными огромными потерями.

И тут появился Мехлис, он куда-то спешил, но, увидев нас остановился.

– Товарищ Горбатов, меня срочно вызывают в Москву! Вы назначили полковника Ведерникова на корпус? Отличный командир, его часть, не смотря на потери, первая прорвалась, к нашим окруженцам. Я хочу внести предложение о присвоении товарищу Ведерникову звания генерал-майора и героя Советского Союза. Ну, так что там насчет назначения? – Мехлис ждал ответа.

– Но, – Горбатов замялся, – вот командир корпуса. Я не могу снять его с должности. Не за что и, кроме того, его назначал сам товарищ Сталин.

Горбатов указал на меня. Я постарался выглядеть бодрым и веселым, а что рука перебинтована, так это так, царапинка.

Мехлис посмотрел на меня. Я выдержал его взгляд. Казалось представитель ставки, готов был сам добить меня, этим взглядом.

– Хорошо, что вы чувствуете себя нормально и готовы, не смотря на ранение, продолжать нести службу, – сказал Мехлис мне, направляясь к машине. Потом обратился к Горбатову: –

Я слышал в вашей армии в результате бомбежки, погиб командир дивизии Шорохов. Так вот, назначьте на эту должность Ведерникова.

Эмка уехала. Я же в бессилии опустился на ступеньки. Мне было плохо, голова кружилась, все свои силы я потратил, чтобы не свалиться при Мехлисе.

Горбатов обеспокоено, глянул на меня и спросил:

– С тобой точно все нормально? – И сделал заключение. – Понятно, опять из госпиталя сбежал.

Я не успел ничего сказать. Прямо напротив нас остановился ЗИС с крытым кузовом, на брезенте которого, красовался красный крест.

– Вот вы где, голубчик! – с этим возгласом из кабины выскочила Ксения Михайловна, и, оправив форменную юбку, направилась к нам.

– Что, плохо? – А я предупреждала, с такой потерей крови лежать и лежать надо! Вы посмотрите на него! – Это было, уже обращение к Горбатову. – На нем лица нет!

– А что там? – ляпнул, я. И тут же пожалел об этом.

– Сказала бы я, да не при генерале будет сказано! – Ксения Михайловна грозно посмотрела на меня.

– Говорите, я разрешаю, – промолвил я.

Горбатов рассмеялся. Подполковник медицинской службы строго посмотрела уже на него. И тот моментально стих.

– Сейчас рядом со мной один генерал, и один больной, – сказала женщина. – И этот больной сейчас поедет со мной!

– Не могу, – сказал я, все же поднявшись со ступенек. – Поверьте, Ксения, если я сделаю это сейчас, то у вас пациентов окажется больше, чем вам бы хотелось.

– Все так серьезно? – подполковник взглянула на командарма.

Генерал-полковник только кивнул головой.

– Ясно, тогда я приставлю к вам Людочку, будете под постоянным присмотром! И во всем слушаться ее!

Она обернулась к машине и увидела Телепина, который старательно пытался укрыться за спиной Капралова.

– А вот еще один будущий пациент нашего госпиталя. А ну-ка идите сюда, товарищ капитан! Это значит, так называется: «Я только на минуточку загляну, командира проведу, а вы пока девчата посмотрите, что я вам привез! Настоящий, парашютный шелк»!

Афанасий Петрович промолчал, да что он мог ответить, ведь, действительно, выкрал своего командира из госпиталя. Из кузова санитарной машины выпрыгнула Людочка. Сверху ей протянули сумку, и она тут же перекинула ее через плечо.

Ксения Михайловна, не дожидаясь оправдания Телепина, пошла ей навстречу.

– Ну вот, ППЖ, заявила! – тихо, чуть ли не шепотом проговорил Афанасий Петрович.

Я все же услышал, и неодобрительно посмотрел на него. В ответ был взгляд полный осуждения. Чего это он, ведь раньше и виду не подавал, что знает о моих похождениях.

Людочка, получив инструкции, направилась к нам. Санитарная машина уехала вместе с докторшей.

– Ну, так что будем делать с Ведерниковым? – напомнил командарм о текущей проблеме.

Я уже понял, разрешения на арест полковника он не даст. Мехлис добьется своего и от нашего демарша ничего, кроме неприятностей не выйдет.

– Вы как хотите, но в моем корпусе он служить не будет! – твердо сказал я.

– Тут вот еще, пришла директива, продолжил командарм, твоего замполита корпуса Брежнева отозвали приказом о переводе, на Кавказский фронт. Вчера улетел.

Вот как значит, все-таки попадет он на свою «Малую землю», подумал я. Даже не попрощались с Леонидом Ильичом. Но ничего, даст бог, свидимся.

Подошла Людочка, и, отдав честь, стала осматривать мою руку, заставив пошевелить пальцами. Что я и проделал, с улыбкой глядя ей в её карие глаза, стараясь в то же время, не заскрежетать зубами. Очевидно, она все же, что-то заметила в моем поведении. Потому что, раскрыв сумку и порывшись в ней, сказала:

– Товарищ генерал-майор, пройдемте в помещение! Вам необходимо сделать укол, а Вы ведь не будете прилюдно оголять свой зад?

Горбатов, не выдержав, от души расхохотался. Пришлось, подчиниться.

Корпус начал было закрепляться на захваченных рубежах, но подошли армейские части и сменили нас, заняв наши позиции, и тем самым давая возможность передохнуть, пополнить состав.

Я определил базу моего штаба рядом с расположением бригады Воронина. Людей не хватало. Федорчук, мой водитель, взял на себя функцию ординарца вместо погибшего Павла Панкова. Вот еще одна смерть, которую я не мог простить Ведерникову. А тот заявился на доклад как ни в чем, не бывало.

– Почему мы прекратили наступление? – начал Ведерников с ходу кричать на меня. – Нужно продолжать его, а не устраивать врагу передышку, – возмутился он.

Я, посмотрел на него с огромным чувством неприязни.

– Бригадир Ведерников, – ни товарищем, ни по званию его называть не хотелось. – Вы по должности кто?

Тот с удивлением посмотрел на меня, потом произнес:

– Командир бригады.

– Вот. Наступление временно приостановлено по приказу командарма Горбатова, а он согласовал это с командующим фронта. Вам понятно? До подхода наших резервов и тыловых частей никакого наступления не будет. Тем более, что к немцам они уже подошли.

– Но представитель ставки, товарищ Мехлис, рекомендовал продолжить наступать, – не успокаивался полковник.

– Ведерников, сколько у вас в бригаде осталось танков и людей?

Тот молчал.

– И батальона не наберется, и это за два дня. Я вас, снимаю с бригады, – сообщил я ему. Приказ уже мною подписан и передан в штаб фронта.

– За, что?

– За невыполнение приказа! На каком основании Вы отозвали охранение штаба и артиллерии корпуса, прекрасно зная, что у нас в тылу до сих пор находятся окруженные немецкие части?

– Но после прорыва обороны противника мне нужны были силы для дальнейшего наступления, а резервы не откуда было брать.

– В результате вашего решения, несогласованного со мной, погибли сотни людей, в том числе начштаба корпуса полковник Травченко. Корпус остался без тяжелой артиллерии! К сожалению, я не могу отдать вас под суд, я лишь написал резолюцию, на каком основании снимаю вас с должности. Все, идите, вас отзывают в штаб армии.

– Ну, мы еще посмотрим, кто был прав, – выходя из комнаты, полковник с силой хлопнул дверью. За нею, донеслись слова. – Он еще пожалеет об этом, мальчишка, выскочка.

Такие слова я уже слышал от других, поэтому остался равнодушен к ним. – «Собака лает, а караван идет».

Из соседней комнаты послышался шум. В мою резиденцию ворвался растрепанный Вяземцев, с висевшими на нем Лисицыным и Телепиным. Позади виднелся Федорчук, ошпылавший свою скулу.

– Где этот выродок? Куда он делся? Дайте, я его пристрелю! – кричал, вырываясь, взбешенный Артур Николаевич, – Да отвяжитесь вы, от меня!

Полковник встряхнулся, и от него, как пушинки в стороны отлетели Телепин и Лисицын.

– Успокойся Артур Николаевич, – сказал я, сделав шаг назад от взбешенного зама, опасаясь за свою руку.

– Успокойся? А ты видел их, лежащих в гробах, сколоченных из снарядных ящиков? Травченко, Зиночку? С майором Бельниковым я два года в одном дивизионе служил! Храбрый, талантливый артиллерист, с первого залпа мог накрытие цели сделать!

Вяземцев, был на похоронах, а я нет – лежал в госпитале и не смог проститься с погибшими.

– Зиночка, ей едва двадцать лет исполнилось. Добрая, светлая душа, я с ней ни разу, ни-ни, относился, как к младшей сестре, просто оберегал ее от остальных! И вот, не уберег!

Полковник, присел на стул и, обхватив лицо руками, заплакал.

Лисицын с Телепиным вышли из комнаты. Я же стоял и не знал, что делать, что сказать. Вяземцев впервые по-настоящему был влюблен и потерял ту, которую любил, но до конца не осознавал этого.

Виллис с полковником Ведерниковым выехал из городка и по грунтовой дороге направился к селу, где расположился штаб армии.

Дорога была, почти пустой, только изредка попадались встречные машины и небольшие группы гражданских, возвращавшихся откуда-то домой. В основном это были женщины и старики, с какими-то узлами и тележками, нагруженными разным барахлом для обмена на продукты в сельской местности.

По пути машину Ведерникова обогнал одинокий мотоциклист на мотоцикле с коляской и скрылся в клубах поднятой им пыли. Виллис уже поднимался на пригорок, когда раздался выстрел, и полковник Ведерников, дернувшись, завалился на бок с образовавшейся красной точкой на лбу. Шофер и автоматчик в испуге выпрыгнули из машины и залегли за её колесами, но выстрелов больше не было. Очевидно, немецкий снайпер из блуждающего «котла», убив офицера, поспешил покинуть позицию.

В трехстах метрах от происшедшего из кустов вылез человек в танкошлеме, и бросив в протекавшую рядом речку немецкий карабин, направился к стоявшему неподалеку мотоциклу. Ну вот, еще одним «шатуном» стало меньше, думал он. Хорошая охота, однако.

Глава вторая

Ну почему так, думал Сергей, с завистью вспоминая отца и сержанта Федорчука, получивших за бой при обороне штаба ордена Красной Звезды, а он, за тоже самое, медаль «За отвагу» и звание ефрейтора. Правда, его переполняла гордость за отца, тот стал майором – замом командира корпуса, глядишь, и генералом скоро будет. Награды получили не только они – многие, кто с боями прошли от Белгорода, освободили Харьков, прошли по немецким тылам. Двое, подполковник Гаврилин – командир кавалерийской бригады, и капитан – теперь уже майор Бровкин, стали героями Советского Союза. Ничего, у него, Сергея, тоже все впереди. Вон Иван Бровкин, тоже с медали начинал, а их командир корпуса Виталий Викторович, как рассказывал отец, два года тому назад был всего лишь сержантом и имел одну медаль. А как вырос!

Сергей мечтательно зажмурился. Вот закончится война, возьмут они Берлин, а это будет, пройдутся по нему, распишутся на стенах Рейхстага и сделает он надпись, как говорил Виталий Викторович, уж очень понравились эти слова: «Развалинами Рейхстага, удовлетворен, Сергей Телепин». И вот он майор, а он к тому времени будет майором, как сейчас его отец, входит в класс, где сидят на уроке его бывшее одноклассники. Они будут заканчивать девятый, или десятый класс. Директор школы торжественно объявляет: «А сейчас перед нами выступит наш бывший ученик – герой Советского Союза, гвардии майор Сергей Афанасьевич Телепин!» Выступить он, не успел. . .

– Куда прешь, малец! Глаза разуй! – это был парень в новенькой гимнастерке, под два метра ростом, судя по всему из нового пополнения. Сергей выходил из штаба, боец же наоборот собирался попасть в него.

– Рябинин, ты как разговариваешь со старшим по званию! – сделал замечание Федорчук, идущий следом за рядовым.

Тот сделал шаг назад и посмотрел на того, с кем столкнулся. Перед ним был солдатик едва дотягивающий ростом до его плеча. Солдатик нагнулся, поднял слетевшую с головы пилотку, отряхнул её, надев, задрал голову и пристально посмотрел на верзилу. Тот, наоборот, склонив голову, рассмотрел того, кого он чуть не смел с дороги. Если бы не форма, пацан пацаном, а так на погонах полычке, а на груди самое главное, медаль «За отвагу».

– Извиняюсь, товарищ ефрейтор! Не заметил. – Рябинин, козырнул и уступил дорогу. Ефрейтор отдал честь, и спустился по ступенькам.

– Иди давай, командир ждет, – поторопил Алексей здоровяка.

Тот все же обернулся и, глядя на уходившего солдатика спросил:

– А кто он такой? Ну, пацан, пацаном, а уже при медали.

– А, это наш Серега, действительно по годам еще пацан, но фору даст любому, а награду в бою заслужил. Мы втроем – я, он и его отец майор Телепин целый полк немцев сдерживали, спасая раненого командира, пока наши не подоспели.

– Втроем, целый полк? – не поверил Рябинин.

– Да у кого хочешь спроси! – возмутился Федорчук, – Награды просто так не дают, – сказав, он потрогал висящий на груди орден Красной звезды. Не один десяток немцев уложили. Ну, ладно! Хватит лясы точить, пошли! И ты, это, Семен, – Федорчук сделал паузу, – блатные замашки свои не выставляй, подумаешь, год по малолетке сидел, с кем не бывает. Ты себя сперва покажи, достоин быть ординарцем, али нет. Тебя, как самого расторопного старшина рекомендовал, из нескольких сотен новоприбывших. И, самое главное, не воруй, даже по мелочам. У нас этого не любят.

– Не беспокойтесь, товарищ сержант! Все в прошлом, а тем более у своего брата солдата крысятничать – последнее дело! Тут мы в маршевой роте одного такого поймали. – В общем,

до фронта он не дошел – руку случайно сломал, споткнувшись, ну и синяков при падении получил.

Федорчук, подтолкнул солдата, в широкую спину.

– Иди, потом поговорим.

И они, наконец-то вошли в штаб.

Я смотрел на своего будущего ординарца, решая, брать, не брать. Всем, вроде, детишка хорош. И ростом бог не обидел, на полголовы выше меня. Подобрать ординарца поручил Федорчуку, ему я в этом деле доверял. Самому некогда, да и не мое это дело. Тем более Алексею машины хватает, хотя он и за ординарца успевал управляться. Натура такая, не был бы водителем, лучшего «денщика» и желать не надо.

– Семен Евграфович Рябинин, – представился боец. – И добавил: – лучше просто, Семен.

– Понятно, что же ты, просто Семен, на себя наговариваешь?

Я взял листок, переданный мне Капраловым, в обязанность которого до сих пор входило оберегать меня, а значит знать о людях, которые меня окружают, почти все. Вот и на Рябинина успел в короткий срок собрать досье. И там значилось: «Почему-то рядовой Рябинин стал выдавать себя за мелкого уркагана, отсидевшего год по малолетке. В разговорной речи стали появляться незнакомые слова, похожие на сленг, выдаваемый Семеном за феню. Но, со слов земляка, попавшего в ту же маршевую роту, Рябинин никогда к уголовной ответственности не привлекался, а словечек нахватался у бывших сидельцев с которыми целую неделю ехал в одном вагоне на сборный пункт».

Семен молчал. И это мне стало надоедать.

– Так почему? – вновь спросил я. – Даже, если бы и сидел, но исправился, ничего такого тут нет зазорного, но вранья я не потерплю.

Сказав это, я посмотрел на Федорчука, мол, кого ты ко мне привел.

Заговорил первым Федорчук:

– Чего молчишь, башка стоеросовая? Отвечай, когда командир спрашивает! – и сам же за него ответил: – Он, товарищ генерал, еще молодой, глупый. Сказали ему уголовники, что на фронте ихней братве живется получше, вот он и решил под них подделаться, чтоб авторитета нажить. А того, глупая башка, не знает, что авторитет на войне зависит от того, как в бою себя покажешь. И уголовники это поняли и потому воюют неплохо, сам видел.

Семен, заговорил:

– Вы правы, товарищ сержант, думал, уважать больше будут, если блатным прикинусь. Извиняюсь, товарищ генерал- майор, больше такого не повторится.

– Хорошо, на первый раз прощаю, но у меня к тебе еще один вопрос. Почему в ординарцы пойти согласился? Это же, как бы в услужение. Многое я и сам успеваю делать, но сапоги чистить придется, там чай, еще многое по мелочам делать.

– Честно, товарищ генерал-майор, жить хочу. Но, а на дядю я привык работать и ничего в этом постыдного не вижу.

– Это где же ты на дядю работать привык? Тебе годков сколько? Восемнадцать? Советская власть давно батрачество отменила. Или в артели какой подрабатывал? – все это выпалил Федорчук.

– Разное бывало, – ответил Рябинин.

– Так, хорошо, возьму тебя с испытательным сроком, – сказал я. – И да, насчет жить хочу. Это не на войне. Знаешь, что с моим предыдущим ординарцем случилось?

– Знаю, слышал, говорили так-то случайность, не каждый же раз под пули лезть. Вы не думайте, я не трус, но если есть возможность уменьшить риск погибнуть, зачем отказываться.

– На войне, Семен, случайностей не бывает. Бывает закономерность случаев и человеческий фактор, – сказал я и добавил уже Федорчуку: – Готовь машину, едем в штаб армии, обязанности ординарца, Рябинину потом расскажешь.

Отдав распоряжения своему начштаба Лисицыну, я вышел во двор и направился к ожидавшей меня машине. Подойдя к ней, я остановился. На переднем сидении, рядом с водителем сидел Рябинин. Передо мной стал вопрос, что с ним делать. Во-первых, я не собирался брать его собой, во-вторых, он занял мое место. Ну, с

первым ладно, пусть едет, привыкает – он ко мне, я к нему. Да и Федорчук, пока буду в штабе, проведет с ним в общих чертах беседу о том, что необходимо делать ординарцу. Жаль Павла, старой закалки был человек. Бывало, подумаешь, хорошо бы сейчас чай, или кофе попить, а он уже чашку несет. Впрочем, чего это я. Я стоял у машины.

– Ну..., – начал я, – и не закончил.

– Распоряжение подполковника Капралова, – отрапортовал Федорчук. Он сказал, что голову мне оторвет, если увидит, что я вас вожу на переднем сидении. Это после гибели полковника Ведерникова, – уточнил водитель.

– Понятно. Делать нечего, я уместился на заднее. Ко мне подбежал старший отделения сопровождения и уточнил путь следования.

– В штаб армии, – крикнул он мотоциклисту, рядом с которым в коляске сидел пулеметчик.

Мотоцикл рванул вперед, за ним тронулись мы, за нами такой же виллис с четырьмя автоматчиками охраны, с сержантом во главе.

Как только мы выехали из городка, Семен обернулся ко мне.

– Товарищ генерал-майор, вы бы фуражку сняли, а вот это бы надели, – он протянул мне свою пилотку.

Я озадачено, посмотрел на него, вот это да, Капралов и с ним провел беседу. Фуражку не снял, лишь только хмыкнув, произнес:

– Может, мне лучше каску надеть, так поспокойней кое-кому будет?

Семен, ничуть не смутившись, ответил:

– Желательно, товарищ генерал, но я так понял, вы этого делать не будете.

– Правильно мыслишь боец, – сказал я, отмахнувшись от его пилотки.

Я привык ездить в машине спереди, рядом с водителем, потому что всегда старался иметь перед собой полный обзор. Теперь, из-за широкой спины Рябинина, его не было.

– Что там? – вдруг спросил Семен у Федорчука.

Тот, полуобернувшись ответил:

– Пехота загорает, видать машина обломалась.

Я чуть приподнялся, чтобы увидеть, что там происходит. Впереди маячила полуторка, вокруг нее суетилось несколько человек. Следующий впереди мотоцикл, вильнув чуть в сторону, объехал её, тоже предстояло сделать и нам. Семен вдруг резким движением, дернул руль, на себя. Сработал и Федорчук, не понимая, что к чему, но инстинктивно нажимая на тормоз. Мы почти вылетели в кювет, но зато пулеметная очередь предназначавшаяся нам, прошла стороной. Раздался взрыв гранаты. Мы уже выскочили из машины и залегли в канаве. Вовсю разгоралась стрельба. Это наша охрана со второй машины завела перестрелку. Нам же невозможно было поднять голову.левой рукой достав пистолет я попытался чуть ли не зубами передернуть затвор.

– Дайте мне! – Это был Семен, лежащий рядом. В руке у него уже был ТТ, принадлежащий раньше Павлу. Я протянул ему пистолет. Тот, схватив его, мгновенно передернул, так и не выпустив из огромной ладони свой.

– Эй, ты куда?

Не обращая внимания на мой возмущенный вопрос, Рябинин быстро пополз по канаве вместе со своим и моим пистолетом. Стрельба почти утихла. Почти, потому, что с нашей стороны ответных выстрелов не было. Я чуть приподнял голову, пытаясь оценить обстановку, но

тут же спрятал ее. Сверху прошла очередь. Но все же я увидел, как от грузовичка к нам бежали люди.

– Хана, – проговорил я, – и встретил взгляд Федорчука, сжимающего наган.

– Эх, гранату бы мне, – с тоской сказал он. – А, была, не была!

Он, собиравшись вскочить, но в этот момент, раздались выстрелы, потом, с секундной задержкой, еще. Я все же, приподнял голову и увидел. – Рябинин, зайдя со спины к бегущим, пристав на колени, стрелял по-македонски, с обеих рук, почти не целясь. Четверым, бегущим к нам, оставалось метра четыре, и они не преодолели их, завалившись перед нами. Я приподнялся на половину, и понял, стрелять по нам больше некому. Возле пулемета максим, который был направлен в нашу сторону и стоял в кузове полупортки с откинутым бортом, лежал неподвижно стрелок.

Оглядевшись, Рябинин направился к нам. Нет, он был кем угодно, но не деревенским увальнем, которым прикидывался.

Рядом клацнул затвор.

– А автоматик-то наш. Можно я себе его возьму, товарищ генерал? – спросил, Федорчук.

Я поглядел на убитых, одетых в нашу форму, и ответил:

– Да забирай хоть все! – и добавил: – Больше без автоматов и гранат ездить не будем.

Подошел Рябинин и протянул мне мой ТТ. Я лишь только отмахнулся.

– Оставь себе, ты я гляжу с двумя работать профи. Глянул ему в глаза, которые мгновение тому назад были жесткими, а теперь излучали саму доброту.

– Спасибо, Семен! Потом поговорим. А сам думал, все-таки, умудрились особисты всучить своего. А интересно, сколько лет, его тренировали, как их сейчас называют осназовцы? Их подготовка.

Федорчук спешил к стонущему сержанту, тот один оставался в живых возле расстрелянного виллиса. Я глянул в другую сторону. Недалеко от полупортки, валялся опрокинутый, покоженный взрывом гранаты мотоцикл, возле него окровавленные тела двух бойцов.

Послышался гул моторов, и из-за просеки показалась танковая колонна. Это шла свежая бригада из резервного фронта, обещанное мне пополнение. Идущий впереди танк остановился перед перекрывающими путь разбитым мотоциклом и телами погибших. Из люка башни высунулась голова, потом и сам танкист. Вслед за первым танком встала и вся колонна. Откуда-то из ее середины вырвался автомобиль и помчался к головному танку. Танкист меж тем, прыгнул на землю и оглядел побоище.

– Что братишки, налет? – спросил он, направляясь к нам. Разглядев меня, ойкнул, но сказать ничего не успел. Возле

танка притормозил додж, и выглянувший из него офицер проорал:

– Кривцов, почему встали? Немедленно освободить дорогу! Не хватало, чтобы и нас бомбами накрыли.

Почему-то и старший офицер решил, что это был авианалет.

– Подполковник, ко мне! – крикнул я, обращаясь к нему.

Тот, услышав командный голос, понял, что рядом кто-то в звании повыше его. Выбрался из машины и, определив взглядом, кто здесь старший, быстрым шагом подошел ко мне.

– Подполковник Баланов, товарищ генерал-майор, командир 23-й танковой бригады.

Ну, точно ко мне, только мы её вчера ждали.

– Генерал-майор Кропоткин, – представился и я. – Тут такое дело, подполковник. Это не налет авиации противника, а спланированное нападение диверсионной группы. И да, вы правы колонну задерживать нельзя.

Через двадцать минут мы вновь ехали по дороге к штабу армии. Нас сопровождал ЗИС с двумя отделениями автоматчиков в кузове, выделенными мне в качестве охраны из мото-

стрелкового батальона бригады. По времени я уже опаздывал, мне было приказано явиться к двум, а уже была половина третьего. На месте происшествия, оставался особист бригады с десятком человек. Раненого сержанта отправили в корпусной госпиталь.

Генерал-полковника Горбатова на месте не оказалось, выехал в штаб Фронта. Я зашел к начальнику штаба. Генерал-майор Виконтов сидел у себя за столом и пил чай.

– А, Виталий Викторович, заходите, присаживайтесь! На чаек решили заглянуть?

Я присел напротив и хотел уже было извиниться за опоздание.

Но в этот момент мне подсунули стакан в серебряном подстаканнике, с горячим, ароматным чаем, который налил ординарец Виконтова из настоящего пузатого самовара, стоящего тут же на столе.

– Да, Виталий Викторович, на завтра назначено совещание на двенадцать часов. Прибыть со своим начальником штаба или заместителем. Кстати, как насчет вашего штаба? Людей подбираете? Мы в свою очередь к вам несколько человек пришлем.

Генерал-майор допил свой чай, поставил пустой стакан в таком же подстаканнике на стол и продолжил:

– Сегодня утром к вам отправили нового адъютанта, старшего лейтенанта Колкина. Как он вам? Лейтенанта Ветрова, представили к ордену Красного знамени, посмертно. Геройский поступок, закрыть своим телом командира.

– Согласен, и очень жалею его. Вот вашего Колкина еще не видел.

– Ты, наверное, из штаба фронта едешь? – предположил начштаба армии.

– Да нет же, к вам ехал! Сами к двум часам вызывали. Извините за опоздание, но по дороге на нас напали вражеские диверсанты. Еле отбились. Погибло шестеро бойцов из группы сопровождения.

– Сперва полковник Ведерников, теперь нападение на вас, – обеспокоился Виконтов. – Не слишком ли подозрительно?

Потом вдруг вскочил со стула.

– Никто вас не вызывал сегодня к нам в штаб! Совещание, как я говорил, назначено на завтра, на двенадцать.

– А как же нарочный? Я сам видел, как он вручал пакет моему начштаба.

– Никакого нарочного к вам сегодня не направляли, пакет о завтрашнем совещании передали с Колкиным!

Тут, вскочил и я.

– Нужно немедленно менять дислокацию штаба и изменить время совещания!

– Да, да! – согласился со мной Виконтов.

– Что было известно старшему лейтенанту Колкину о готовившемся наступлении? – спросил я.

– Как штабному офицеру – многое. Он иногда выполнял поручения вестового, – сообщил начштаба.

– Понятно... То-то у Лисицына не возникло вопросов к вестовому. Встречал его в штабе армии, да и мне он показался знакомым.

– Давно он у вас служит? – спросил я у начальника особого отдела армии полковника Лебедева.

Мы вышли с ним во двор поселкового клуба, когда-то бывшей помещицкой усадьбы. Тот уже был в курсе моих приключений. Связывались со штабом моего корпуса. Колкина в нем не было, и даже не отмечался, и да, со слов Лисицына, пакет привез именно он.

– Не у меня, а при штабе, товарищ генерал-майор, – и добавил: – Несколько месяцев. Прибыл из госпиталя, после лечения. Проверили, как положено, провели беседу. Офицер, как офицер, награжден.

– Из какого госпиталя? – спросил я, понимая вдруг абсурдность своего вопроса.

– Из под Воронежа, – ответил особист, наблюдая, как солдаты в спешке выносят имущество штаба и грузят его на машины.

Я чуть, не выругался.

– Немедленно пошлите запрос в госпиталь, не начинал ли свое лечение старший лейтенант Колкин в Харьковском госпитале до поступления к ним!

– Уже делается, СМЕРШ подключили, – полковник опять вдохнул.

– Ох и нагоняй мне будет, шпион и при штабе армии.

– Особенно ваш Капралов разорялся, когда узнал, что произошло и кто виноват. Я было хотел его осадить, все-таки старше по званию и как-никак его начальство. Так он меня, послал, – возмутился Лебедев, – Вы бы с ним поговорили, в конце концов, он в первую очередь должен был отвечать за вашу охрану.

– Поговорю, – буркнул я, и, уточнив, куда перебирается штаб, попрощался и двинулся к своей машине. Капралов как раз и заботится, думал я. Один Рябинин чего стоит, и надо же, как хитро, мне его подсунули, через маршевую роту. А парня наградить надо и к званию сержанта представить. Интересно, какое у него звание на самом деле.

По приезду в свой штаб, я первым делом встретился, с подполковником Капраловым. Тот сидел за столом и внимательно разглядывал вещи и документы убитых.

Мы поздоровались. И я, присев, спросил:

– Ну, что?

– Все, как под копирку. Особист кивнул на солдатские книжки, все после госпиталей, и вот, – он подвинул мне одну из книжек.

Я прочел, младший сержант Алексей Михайлович Федорчук.

– Я таким совпадениям не верю, – сказал подполковник.

– Да я за Федочука головой ручаюсь! – возмутился я.

– Да я не об этом, – поспешил меня успокоить Капралов, – Похоже, за вами, товарищ Кропоткин, ведется охота, и те двое, которых мы ранее задержали, крутились возле частей нашего госпиталя неспроста. Эх, если бы знали, допросили бы тех предателей построже, а так трибунал и расстрел. Да, с этого момента, ваша охрана усилится.

Я, представил себя в душном БОА, впереди два танка, взвод мотострелков позади в студдбекере, после него еще один танк. И всю эту кавалькаду, подъезжающую к штабу армии. Я вздрогнул. И с мольбой посмотрел на особиста.

– Может, как обычно, ну добавим парочку мотоциклистов, и так один Рябинин, чего стоит, спасибо за него.

Капралов недоуменно уставился на меня. Потом сказал:

– Ах да, за то, что одобрил его кандидатуру в ординарцы. Хотя мог и не поддержать из-за его фантазий. Умеешь ты себе людей подбирать, Виталий Викторович. Федорчук мне рассказал, как тот из пистолета ухлопал ряженных.

Я, пожелав удачи в поисках Колкина, поспешил выйти, пока не завелась песня о главном, о моей охране. Вот спец, думал я, как все обставил. Будто я сам подобрал себе Рябинина.

Послышался чей-то возмущенный голос:

– Я тебе куда сказал этот ящик отнести? К машине! А ты куда поперся с гранатами, башка ты стоеросовая!

Незнакомый мне старшина отчитывал солдата, который стоял с небольшим продолговатым ящиком в руках. Ну да, штаб обновлялся не только офицерским, но и рядовым составом. Вот и новый начхоз штаба. Я уже было хотел зайти к себе в кабинет, как вдруг услышал:

– У тебя, что совсем винда зависла? Чего стоишь, бегом к машине!

Теперь завис я. Обернувшись, я увидел, что старшина топает вслед за солдатом к выходу.

– Старшина, – окликнул я, его.

Тот обернулся и, как бы спрашивая взглядом, его ли зовут, уставился на меня. Я кивнул.

– Старшина, подойдите сюда, – сказал я, приглашая вслед за собой в кабинет. Я зашел и почему-то присел на край стола. Следом явился старшина. Представился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.